

12+

Александр Краснов

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В СЕВЕРНУЮ
СТОЛИЦУ
В ПОИСКАХ
ПРЕКРАСНОГО**

Александр Краснов

Путешествие в Северную столицу в поисках прекрасного

<https://litres.ru/74269399>

ISBN 9785007064644

Аннотация

Путевые записки, где дорога из Москвы в Петербург становится путешествием сквозь время. Посещая отель «Гранд Европа», Русский музей, квартиру-музей Бродского и Михайловский театр, автор вступает в диалог с наследием Брюллова, Васнецова и мастеров сцены. Книга о том, как искусство преобразует пейзаж, пробуждает память и учит видеть вечное в мимолётном.

Содержание

Предисловие. От автора, или О пути, что ведёт сквозь время	5
Глава I. Чугунный путь, или Путешествие меж двух столиц	6
Глава II. Пристанище в сердце града, или Гостиница «Гранд Европа»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Путешествие в Северную столицу в поисках прекрасного

Александр Краснов

© Александр Краснов, 2026

ISBN 978-5-0070-6464-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. От автора, или О пути, что ведёт сквозь время

Сей труд рождён не из прихоти, но из потребности душевной. Путешествие в северную столицу, казалось бы, дело обыденное, однако коли взглянуть на него пристальнее, открывается оно не как смена мест, но как смена эпох. Я избрал путь сей дабы не токмо узреть новые лица и здания, но дабы вступить в разговор с теми, чьи голоса давно замолкли, однако чьи кисти, перья и ноты продолжают звучать. В залах музеев, в коридорах старых гостиниц, в тишине квартир-музеев и на бархатной сцене театра я искал не развлечений, но откровений. И нашёл. Нашёл в каждом мазке, в каждом штрихе зодчества, в каждом паде танцоров ту самую нить, что связывает минувшее с настоящим. Записки сии — не путеводитель, но дневник странника, идущего сквозь время. Пусть читатель, перелистывая страницы, не спешит. Пусть остановится, как останавливался я, дабы прислушаться к эху веков. Ибо искусство не знает границ, а путь, начатый в мыслях, никогда не кончается.

Глава I. Чугунный путь, или Путешествие меж двух столиц

День выдался ясный, апрельский, прозрачный, словно вымытый весенней грозой. Снова несёт меня стремительный «Сапсан» из златоглавой первопрестольной в град Петров, что по праву зовётся ныне северной столицей и обителью искусств. Мчится состав вперёд, будто стирая невидимые грани меж ушедшими веками и днём нынешним. Три часа да сорок минут пути — и вновь оживает древний спор двух столиц, стоит лишь взглянуть в окно.

Ибо на сих самых просторах, в лето 1843-е, зачиналась одна из грандиознейших строек минувшего столетия — стезя, что навечно связала две имперские столицы. Крестьянин, трудившийся на нивах своих, и помыслить не мог, что тихие его края обратятся в живую артерию, по коей хлынет сама история. За стёклами вагона, коего прямым наследником стала та самая Николаевская чугунка, торжественно открытая в ноябре 1851 года, разворачивается пред моим взором бесконечное действо русской природы.

Белые, стройные стволы берёз мелькают за окном, подобно кадрам забытой хроники, — немые свидетели всех эпох. Стояли они здесь и тогда, когда мужи-инженеры под началом Павла Мельникова прокладывали трассу, дотошно изу-

чая заморский опыт Европы да Америки. Стоят и ныне, с тем же спокойным равнодушием взирая на наши стремительные поезда, что мчатся вдвое быстрее своих паровых предшественников.

Небосклон над русской равниной — повесть особая. Облака плывут неспешно, будто и не заметили нашей бешеной скачки. В такие мгновения постигаю я умом и сердцем, почему именно сия магистраль, первая в империи с двумя путями, дала начало всей железной сети России. Ибо здесь, на этом бескрайнем просторе, рождалось живое чувство единой державы.

Несётся «Сапсан» вперёд, а в окне — всё та же, вечная, русская природа: леса дремучие, поля раздольные, воды тихие да небо высокое. Те самые виды, что созерцали и первые пассажиры в ранних вагонах, и солдаты Великой войны, и миллионы простых людей, чьи судьбы неразрывно связали две столицы. Меняются составы, меняются скорости и эпохи, но неизменным остаётся сие чувство пути, сладостное и грустное одновременно, — движение от одного великого града к другому.

Когда же поезд начинает замедлять ход, приближаясь к Петербургу, ловлю себя на мысли: за сие немногие часы не просто пространство преодолел я, но пересёк полтора столетия истории — от дней Николая Первого до наших. И всё это время за окном безмолвным свидетелем пребывала она — земля русская, вечная и неизменная в своей суровой, ве-

личавой красоте.

Глава II. Пристанище в сердце града, или Гостиница «Гранд Европа»

Ступив за порог Петербурга, я избрал для ночлега место, богатое преданиями, — отель, что зовётся «Гранд Европа». Распахнул он свои ворота ещё в лето 1875-е, когда град Петров уже ведал себя не токмо имперской, но и духовной столицей. В шаговой близости от шумного Невского, отступив от градской суеты, встретились здесь две стихии: русская творческая интеллигенция и европейский модерн. Сей отель стал для меня не просто пристанищем, но истинным перекрёстком. Люди приезжали сюда не для того, чтобы укрыться от города, но чтобы пребыть в его сердце, сохраняя при том благую отстранённость.

Возник он в ту пору, когда Петербург мерился с Европой не единым лишь зодчеством, но и духом. Середина седьмого десятилетия девятнадцатого столетия... Город учился дышать в ногу со временем, и гостиница явила собой первое воплощение сей мечты: паровое отопление, электрическое освещение, подъёмная машина да телефонный аппарат — всё это звучало тогда как будущее, начертанное на бумаге. Здание росло, меняло обличье, пережило огни да революции, блокадные зимы, когда под кровом его укрывали ране-

ных. Оно не просто устояло — оно научилось хранить память. В девяносто первом году, когда град заново учился говорить с миром, отель открылся вновь, но уже не как символ имперской роскоши, а как живой мост меж ушедшими и нынешними днями. Реставрация вернула ему глас, но не стёрла шрамов времени.

Бродя по коридорам, я невольно прислушивался к эху шагов тех, чьи имена вписаны в учебники, афиши и протоколы. Мне ведомо, что здесь останавливались люди, чьи голоса звучали со сцены, чьи строки переписывали словесность, чьи решения меняли ход политических карт. Не важно, прибывали ли они на паровозе или воздушном судне, с партитурами в руках или с чемоданами дипломата — портье, коридорные, официанты берегли одно: ощущение, что каждый гость становится частью чего-то большего, нежели простая поездка. В стенах, покрытых золочёной лепниной и тёмным деревом, не кричат о богатстве. Они шепчут о достоинстве.

Чайковский останавливался здесь столь часто, что номер его обратился во временную мастерскую. В письмах к брату не раз отмечал он: «Европа» стала для него островком тишины среди гастролей, местом, где можно было перевести дух перед дирижёрским пультом. Любил он безмолвие холлов, где звук шагов гас в тяжёлых коврах, и трапезный зал, где музыкальные споры сменялись молчаливым созерцанием за окном. Позже те же стены приняли композиторов Клода Дебюсси и Игоря Стравинского. Они не просто ночева-

ли под одной кровлей; они искали здесь ту самую точку, где европейский авангард мог встретиться с русской душой без спешки и страха быть непонятым. Я зрел, как в коридорах «Европы» рождались не только маршруты, но и интонации будущих симфоний.

Литераторы выбирали сей отель не из соображений чина, а потому что здесь дышалось иначе. Фёдор Достоевский, уже немощный, но всё ещё ищущий правду, мог сидеть в угловом кресле, взирая на мелькание лиц. А вот Михаил Зощенко, с его фирменной усмешкой, уже в двадцатые годы описывал «Европу» как место, где «даже водопроводный кран течёт с достоинством старого аристократа». В его рассказе «Водяная феерия» отель обращается в сцену, где быт становится искусством, а коридоры — декорациями для комедии нравов. Довлатов, вспоминая эти стены, видел в них не просто здание, а живой организм, где каждый гость оставлял не чемодан, а след в воздухе. Как он писал: «Здесь не просто ночуют. Здесь остаются».

Роскошь «Европы» — не в мраморе и хрустале, но в непрерывности. Я наблюдал, как утренний свет ложится на те же паркетные доски, что видали балерин в пуантах и композиторов с чернилами на пальцах. За окном всё так же плывёт петербургская дымка, а внутри — тишина, коей не нарушает даже шум проспекта. Отель не тшится быть музеем, но и не прячет своего прошлого. Он существует в настоящем, опираясь на века, подобно старому кораблю, что всё

ещё держит курс. Величие его — в умении принимать гостей так, будто они всегда были здесь, и провожать так, будто они непременно вернутся. И я, переступая порог своего покоя, чувствовал: я не вошёл в гостиницу. Я вступил в летопись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.